

ВЕНЕЦИАНСКОЕ
ЗЕРКАЛО
ИЛИ ДИКОВИННЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ
СТЕКЛЯННОГО ЧЕЛОВЕКА
РОМАНТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ
НАПИСАННАЯ БОТАНИКОМ Х
И НА ЭТОТ РАЗ
НИКЕМ НЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
БЕРЛИН
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ГЕЛИКОН“
МСМХХІІІ

Эта книга
отпечатана в Берлине
в 1923 г.
в типографии М. Маттиссон
для книгоиздательства
„Г е л и к о в“

ВЕНЕЦИАНСКОЕ
ЗЕРКАЛО
ИЛИ ДИКОВИННЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ
СТЕКЛЯННОГО ЧЕЛОВЕКА
РОМАНТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ
НАПИСАННАЯ БОТАНИКОМ X
И НА ЭТОТ РАЗ
НИКЕМ НЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
БЕРЛИН
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ГЕЛИКОН“
МСМХХІІІ

ВЕНЕЦИАНСКОЕ ЗЕРКАЛО

О. Э. Ч.

*посвящает эту книгу
автор*

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

из которой читатель узнает общее положение дел
и знакомится с героями нашей повести.

Алексею никогда не удавалось впоследствии передать своим друзьям в обычных представлениях и образах нашего мира свои стеклянные впечатления. Даже больше того — потрясенная память не удержала почти никаких воспоминаний из дней непосредственно предшествовавших началу его тяжкого зеркального бытия.

Последнее, что сохранилось в его памяти отчетливо и даже преувеличенно ярко, был тот роковой день, когда он нашел искомое в подвалах венецианского антиквара.

Он помнил в малейших деталях, как сениор Бамбачи, уже истощивший весь запас хвалебных терминов пяти европейских языков, вяло перебирал перлы своих коллекций.

Венецианское солнце, как всегда горячее, насыщенное запахом меда и моря, ложилось бликами на бедрах амуров Барокко, играло на стеклянных подвесках флорентийских консоли и посылало на потолок антикварного магазина отблески волн канала Грасіо.

Однако все сокровища торгового предприятия сениора Бамбачи, как равно и предложения других антикваров Европы оставляли Алексея холодным.

Полгода, уже затраченные на внешнее убранство его новой жизни, не привели еще к разрешению поставленной задачи.

В восьми комнатах его нового яузского особняка предметы художественного творчества пяти веков, схваченные острой гаммой экспрессионизма, несмотря на все усилия, не связывались между собою последним заключительным синтезом.

Была нужна деталь, которая своею острой и пряной силою превосходила бы многократно все остальные слагающие, как капля встобаны превосходит все элементы сложного напитка, служащего для ее воплощения.

Попытка использовать для этой цели деревянного негритянского идола с бенадирского берега оказалась столь же бесплодной, как и первоначальный замысел построить всю композицию обстановки на маленькой Венере старшего Пальмы.

Алексей заметно терял хладнокровие и ему казалось, что неудача с устройством яузского дома обрекает на неудачу и устройство жизни с его обитательницей, чьи рыжие пряди волос обещали дать последний синтез его мятежной, сложной и в общем тяжелой жизни. С нескрываемой досадой Алексей отодвинул рукой какой-то пестрый свадебный ящик старой тосканской работы, предложенный ему выбившимся из сил и недоумевающим антикваром, и решил использовать последнее средство, которое не раз спасало его от намечавшегося коллекционерского сплина.

Через десять минут ворчавший Бамбачи, гремя ключами и освещая путь тусклым фонарем, спустился с ним по сырým каменным ступеням в подвалы, до краев набитые старой рухлядью, служившей венецианцу рудой для извлечения драгоценных перлов его антикварного дела.

Алексей надеялся, что глаз старого торговца, притупленный банальностью рыночного спроса, что-нибудь пропустил в многочисленных обстановках старых палаток и монастырей, гуртом скупленных и сваленных в бездонные подвалы канала Грасіо.

Однако штабели старых запыленных кресел, деревянных церковных принадлежностей и бледных безруких антиков — в мерцающем свете Бамбачева фонаря — показались ему скучными задворками Дантова Ада, истлевающим кладбищем жизни многочисленных поколений.

Щемящая тоска бессилия заполнила сознание Алексея, и он уже собрался махнуть на все рукой и прямо из магазина ехать на вокзал и в Москву, как вдруг остановился потрясенный.

Ему показалось в темноте, направо, около огромной картины, за обломками лусезовских кресел, присутствие кого-то значительного и властвующего.

Алексей остановился. Сердце его забило учащенно. Он чувствовал все свои движения связанными, и какая-то власть змеиного взгляда приковывала его к находящемуся во мраке.

Он сделал несколько шагов в темноте, и в колыхнувшемся свете Бамбачева фонаря в него впились два иступленные глаза.

Через мгновение, показавшееся ему вечностью, он понял, что перед ним за обломками красного дерева стоит зеркало, покрытое паутиной и слоями пыли.

С этой минуты острота сознания погасла для Алексея.

С большим напряжением он мог припомнить в смутных зрительных образах, как привез свою находку к под'езду яузского особняка. Почему-то отчетливо помнил побагровевшую с натуги толстую шею своего камердинера Григория, который кряхтя вынимал из автомобиля ящик с упакованным в нем венецианским зеркалом.

Помнил точно сквозь сон и тот роковой момент, когда он, бессвязно рассказывая свои похождения Кет, стоящей перед ним в озаренном солнцем белом весеннем платье, начал снимать тафту со своей венецианской находки.

Когда упали на пол последние складки желтой ткани и черная стеклянная поверхность изогнутыми

линиями отразила в себе Кет, горшочки кактусов и купола церквей, горой поднимающихся к закатному небу на Кулишках за Яузой — все преобразилось в маленьком домике и чудилось, будто невидимые струи стеклянной жидкости заливают собою комнаты и растворяют все окружающие предметы, делая их призрачными.

Зеркальная поверхность, казалось, излучала из себя тонкую отстоянную веками отраву и она постепенно насыщала собою воздух, мебель, картины, цветы, стены...

Голова начинала кружиться, и учащенно дышала грудь. Перед глазами Алексея в свинцовом зеркальном сумраке прыгало его изображение и изображение Кет, постепенно овладевавшее им безраздельно.

Всматриваясь в зеркало, он не узнавал в отражении спокойных черт своей подруги и отводя глаза от зеркала на ее собственное лицо не узнавал ее также.

Передвигая тяжелую мебель, невольно касаясь ее руки, бедер, он чувствовал, что все существо Кет

переродилось. Ее всегда холодное и спокойное тело казалось горело, как расплавленный металл.

Под навождением странного зеркала Алексей чувствовал и себя каким-то другим. Все те элементы его сущности, которые он научился с годами подавлять, с неожиданной бурностью и силой проявились вновь.

Чувствуя в своих объятиях трепещущее, жаждущее тело своей подруги, Алексей в порыве страстного чувства прижал ее к своей груди и хотел поцеловать ее алчущие губы. Смутно помнил, как Кет спрятала свое лицо за его плечо и, выскользнув из его объятий, скрылась.

Минуту спустя, и это особенно резко, на всю жизнь, врезалось в его память, — он оказался перед помутневшей поверхностью венецианского зеркала.

Венецианское стекло отразило его, как отражает поверхность волнующейся нефти, ломая контуры в кубистических формах смещающихся плоскостей.

Алексей напряженно вглядывался в искривленные черты своего лица, ясно чувствовал всю гру-

бость своей страсти, и эта грубость странно нравилась ему и радовала его.

Какая-то страшная сила тянула все ближе и ближе к пожелтевшей поверхности тусклого стекла. Вдруг он вздрогнул, с ног до головы покрылся холодным потом и как в подвалах канала Сгасіо, увидел перед собою два устремленных на него исступленных, совершенно чужих, глаза.

В то же мгновение почувствовал резкий толчек. Его зеркальный двойник схватил его правую руку и с силой рванул внутрь зеркальной поверхности, заволновавшейся кругами, как волнуется поверхность ртути.

На одно мгновение их тела слились в борьбе и затем Алексей увидел, как его отражение выскочило, заплясало, высоко подпрыгивая посредине комнаты, а он должен был вторить ему в постепенно утихающем зеркальном пространстве.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

в которой на сцену появляется стеклянный человек и описание его злодеяний, виденных Алексеем из своего зеркального яточения.

Вертявый зеркальный человек, бывший ранее в зеркальном мире Алексеевым отражением, — в неистовом восторге плясал по большому персидскому ковру, вывезенному из Шираза, топча его каблуками и высоко подбрасывая ноги.

Через минуту он остановился. Обернулся к зеркалу и залился диким хохотом, показывая язык и грозя кулаками.

Алексей с отчаянием невероятным чувствовал, что черты его лица повторяют гримасы дьявольского двойника, а руки и ноги в каком-то онемении, несмотря на все сопротивление, следуют дви-

жению его тела. Стекланный человек, упоенный своею властью, подошел почти вплотную к зеркалу и, иронически выгибаясь в неистовстве невероятных поз, заставляя Алексея свиваться в телодвижениях, напоминавших позы наиболее фантастических персонажей Жака Калло.

Изгибая руки и ноги в вынужденной дьявольской гимнастике, Алексей был подавлен до предела той вульгарностью и омерзительной похотливостью, которыми был преисполнен его чудовищный двойник и ощущал даже некоторое удовлетворение тому, что его сознание оставалось старым, и ни одна его мысль не должна была вторить мыслям стекланный человека.

В бешеной злобе сопротивления, его скоро начало радовать и то, что в иступленности жестов стекланный человек не всему мог заставить его следовать. Иногда бешеным сопротивлением воли Алексей задерживал упорством своей руки какое-нибудь омерзительное движение своего двойника, что приводило последнего в неистовство и заставляло в страхе отступать от зеркала.

Напряженная борьба, завязавшаяся сквозь перепонку безмолвной поверхности стекла, внезапно оборвалась.

В комнату вошла Кет.

Рыжие пряди ее волос были перехвачены жемчужными нитями и легкая зеленоватая совершенно прозрачная мосульская ткань оттеняла опаловые линии тела.

Алексей, потрясенный до последних глубин своего духа, готов был склониться на колени, но руки его мучительно и неожиданно стали хлопать в ладоши, вторя движениям восторженного стеклянного человека, который также заметил появление Кет и обернулся к ней.

Алексею показалось, что хрустнули его шейные позвонки и, подчиняясь неведомой силе, голова отвернулась в глубину зеркального мира. В то же время он почувствовал в своих руках скользкое стеклянное тело двойника своей подруги.

Кет была скрыта от его глаз. Обращенный волею зеркального человека внутрь зеркальных пространств, только по движению стоящего перед ним

стеклянного существа мог он судить о судьбе своей подруги.

Зеркальная женщина, чьи скользкие стеклянные бедра он вынужденно обнимал, улыбалась ему искривленной иронической улыбкой и изображала страх и удивление, охватившие повидимому настоящую Кет.

Алексей смутно помнил, как через минуту его руки, подвластные чужой воле, грубо схватили, внушавшее ему отвращение, стеклянное бившееся тело, и неведомая сила повернула его лицом к поверхности зеркала.

В то же мгновение он, поработанный, униженный, безвольный, увидел, как билась в руках его дьявольского двойника живая, родная ему девушка и как стеклянные руки сжимали ее своими мертвыми объятиями, оставляя на опаловом теле синяки от твердых пальцев.

Через мгновение все уплыло в зеркальном эфире и слилось для памяти Алексея в каком-то тяжелом бредовом сне.

Потянулись дни. Тяжелые свинцовые дни алексеева зеркального бытия.

Впоследствии он не мог вспомнить без содрогания и ужаса — тот призрачный безмолвный эфир, в котором плавали бледные существа, иногда повторяющие движения своих земных оригиналов, и еще более страшное полубытие в те минуты, когда ни одна зеркальная поверхность не ловила черты движений того, кому стеклянные существа были двойниками.

Алексея поражали те горести и радости, крайне жалкие на земную оценку, которые составляли жизнь этих призрачных существ, их постоянное сопротивление своим „хозяевам“ и желание овладеть ими, заставить их отражать свои движения и помыслы.

С содроганием натыкался он в трепетном сумраке зеркальных пространств на отражения давно умерших людей, некогда бывших великими и продолжающих ныне угасать свое зеркальное бытие, лишь изредка заглядывая из своих инфернальных далей сквозь стеклянную пленку в земной мир, пугая своих потомков и наводя трепет на девушек, склоненных над гадающим зеркалом.

С содроганием, доступным для его постепенно угасающих чувств, Алексей убеждался, что его двой-

ник все более и более овладевал его земным уделом и с все возрастающим злорадством и иронией подмигивал ему по вечерам, когда, отложив бритву и понуриив щеки и подбородок, он смотрелся в зеркало перед тем, как войти в спальню Кет.

Алексей, с тоской неиз'яснимой, наблюдал горестную судьбу своей подруги. Взятая силой, она надломилась, как надламывается под ударами топора молодая береза; подчинилась воле зеркального человека, считая его за Алексея, не понимая происшедшего, не пытаясь думать, обессиленная, безучастная всему.

В ночных оргиях, которым Алексей должен был вторить в стеклянных пространствах, сжимая в объятиях ее стеклянный двойник, она была безучастна и отдавалась порочной игре, как кукла, без радости, без воли, без сопротивления.

Алексей казалось, что в этой безучастности Кет он находил какое-то моральное удовлетворение в безисходном круге своих несчастий; с тем большим удовлетворением замечал он, что порочная страсть стеклянной женщины, брошенной в его объятия законами зеркального мира, сдерживалась движения-

ми подлинной Кет, и кипящая ярость темной стекляннoй души не могла ни на один миллиметр изменить вялые движения своего стекляннoго тела.

Однако скоро и этому ничтожному моральнoму утешению начал приходить конец. К ужасу своему Алексей заметил однажды изменение своего собственнoго сознания и ему стало казаться, что окружающий его стекляннoй эфир начал просачиваться сквозь поры его тела и костные покровы черепа и растворял в стекляннoм небытии его человеческую сущность. Совершая по воле своего дьявольскoго двойника какую-то неистовую жестикуляцию, он ощутил, до ужаса отчетливо, что неведомая ему моральная плотина начала размываться и скоро стекляннoе волны поглотят и растворят его душу.

Ощущение дикой безысходности и предельнoго отчаяния наполнили его душу тем более, что перед его глазами проходили ужасные картины гибели его земной подруги.

Бледная, изнеможденная, с провалившимися, но неизменно прекрасными глазами, с непонятно вуль-

гарно выкрашенными губами, она, как сомнамбула, почти качаясь и не держась на ногах, сгорала с каждым днем.

Однако Алексей был бессилен чем-либо помочь ей. Стеклянные волны все больше и больше заливали его сознание.

Память окончательно выпала из его духовного мира и только изредка inferнальный мрак его бытия освещался какими-то проблесками сознания.

В одну из таких минут Алексей, несмотря на полное притупление своих чувств, был потрясен до пределов невероятных. Перед его глазами блеснули зубы зеркального человека, вонзившиеся в плечо Кет, струи крови, оросившие ее грудь, стеклянные пальцы, впившиеся в ее горло и полные ужаса и отчаяния глаза его подруги. Он видел, как вырвалась она, металась по комнате и бросилась к запертой двери своей студии. Через мгновение дикой борьбы дверь сорвалась с миниатюрных петель и Кет упала у подножия венецианского зеркала.

Алексей увидел, как стеклянный человек поймал за волосы его подругу, притянул к себе, поднял и бросил в бешенстве на пол, снова готовый

кинуться на свою жертву. Огненные круги запрыгали в Алексеевых глазах. Всем напряжением, оставшейся у него воли, он бросился к свившимся в неистовой борьбе телам . . . . .

В звоне разбитого стекла почувствовал себя упавшим на пол земной комнаты в обломках венецианского зеркала.

Через мгновение увидел насыщенные ужасом глаза Кет, созерцавшей раздвоившегося Алексея и своего двойника, в животном страхе убежавшего прочь.

В голове Алексея даже не мелькнуло мысли о его преследовании, он забыл о нем, бросился к своей несчастной рыдающей подруге и, прижав ее голову к своей груди, стал покрывать ее плачущие глаза поцелуями и гладить ее волосы.

А когда она успокоилась немного и судорожные рыдания перестали содрогать ее тело, он бережно поднял ее на руки и понес в спальню. Проходя мимо овального трюмо, нечаяно взглянул в него и в ужасе чуть не выронил своей драгоценной ноши.

В зеркальных пространствах в воздухе плыло безжизненное тело Кет, ни чем не поддерживаемое. В стеклянном эфире ничто не отражало Алексея, и он почувствовал, что его отражение в трепетном страхе бежит где-то по московским улицам.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

сравнительно спокойная, дающая передышку автору, героям его повести, а также читателям.

Прошла неделя с того дня, когда Алексей вновь приобрел свое земное бытие. Кет спала. Пряди ее волос разметались по батисту подушки и брови вздрагивали, подчиняясь видениям сна.

Алексей, отложив в сторону французскую, в желтой обложке, книжку романа, уже более часа смотрел, как дышет ее грудь и думал.

Он пытался подвести итоги тем разрушениям, которые произвел в его жизни налетевший зеркальный ураган и решить основной вопрос о возможности восстановления. Черепахи, кактусы и немецкие эротические эстампы, которыми двойник засыпал его комнаты, были убраны в первые же дни.

Постепенно возобновлен внешний облик старого бытия, но все же Алексею чудился какой-то запах тления, и гадливое ощущение оскверненности наполняло его душу, когда он входил в комнаты столь любимые раньше. Потеря своего зеркального отражения и нежелание ежеминутно напоминать Кет о происшедшем заставили его убрать из дома все зеркала, и композиция убранства, основанная на бездонных провалах противопоставленных зеркал, беспомощно обнажилась и умерла.

Однако, как полагал Алексей, в мире вещей все могло быть исправимым. Он полагал также исправимым и то стеклянное оцепенение мозга, которое временами возвращалось к нему, превращая его в манекена. Горячие ванны и ленивый покой его жизни уже начали смывать эту отраву зеркальных пространств.

Его гораздо более волновала Кет. Она была искренне рада его возвращению, глубоко изумилась рассказу о стеклянном бытии, в ужасе содрогалась при воспоминании о пережитом и мечтала об отдыхе долгим и уединенном.

Однако спокойные ласки Алексея, нежные кроткие прикосновения его поцелуев как-то не насы-

щали ее; Алексею чудилось, что разбуженная вулканическая страсть не может удовлетвориться человеческой любовью и человеческой лаской и это тревожило его безмерно.

Его беспокойство возрастало до пределов чрезвычайных, когда до сознания доходило смутное опасение, что стеклянный двойник не рассеялся, как дым, как навождение детской сказки, но продолжает жить где-то рядом, караулит свою добычу и борьба между ними далеко еще не кончена.

Вчера, в вечерней сутолоке Кузнецкого моста, среди цилиндров и колеблющихся эгретов дамских шляп, ему показались на мгновение знакомые черты, а в контурах прохожего поспешно убежавшего по Петровке он как будто бы узнал костлявые члены зеркального человека. Этот полунамет на встречу находил себе подкрепление в многочисленных московских сплетнях о несуществовавших алексеевых похождениях по игорным домам и другим московским вертепам.

Поэтому в ночной темноте, под мерные удары маятника часов, перед лицом спящей Кет он почти чувственно ощущал, как его противник бродит по

московским улицам и взбирается по длинным лестницам с одного этажа на другой.

Кет зашевелилась, нахмурила брови, проснулась и села на диване. Его улыбка застыла на устах, когда он увидел, что спокойные полузакрытые глаза ее вдруг с диким ужасом раскрылись и, выбросив вперед руки, она с нечеловеческим криком упала. Алексей обернулся в направлении ее рук и за отпечатавшимися стеклянными дверями балкона на фоне изогнутых черных деревьев сада увидел устремленный на него взор глаз, потрясший его впервые в подвалах канала **Ггасіо**.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

наполненная борьбою Алексея с его зеркальным двойником и наставляющая читателя из одного места города Москвы переноситься в другое и обратно.

Алексей выстрелил в последний раз наугад в камыши около „Горбатой Ветлы“, куда, как ему показалось, метнулась преследуемая тень и остановилась в изнеможении, нервно сжимая рукоятку „Кольта“.

Налетевшие волны ветра трепали осенние листья на изгибающихся ветвях прибрежных ив, по небу судорожно летели обрывки облаков, шаря лунными тенями по зарослям сада.

Алексей казался потрясенным и, мысленно измеряя по каплям свои ничтожные моральные силы,

чувствовал, как потерянность овладевала им все более и более.

Поздним вечером, когда бледная анемичная Кет, ушедшая глубоко в себя, разливала в круглой столовой чай, он вяло обсуждал с ней план обороны и борьбы с неувидимым противником и более пытался поймать взгляд своей подруги, тревожно следя за движениями ее души, чем слушал ее вялые реплики.

Окна были плотно занавешаны; камин, полузакрытый экраном, наполнял теплотой и спокойным уютom. Однако тревожная значительность оплотняла собою все: и мигающее пламя догорающих дров, и шорохи ветра в саду, просачивающиеся сквозь занавески окна, и случайный звон чашки, и тихие голоса собеседников, и беспричинный лай цепных собак, пущенных в сад.

Кет вяло отвергала все остроумные алексеевы проекты заманить стеклянного человека в западню и иные способы организации обороны и утомленным голосом просила на всю зиму уехать в подмосковную, где он несомненно оправится от потрясений и сможет считать себя в безопасности от страшного преследователя.

Вглядываясь в черты ее лица, Алексей замечал в нем что-то терпкое, темное, брошенное в ее душу вворм того другого, с чем он был бессилен бороться и что приводило его к последней грани отчаяния.

Постепенно его сознание как-то физически сужалось. Комната, догоравший камин и ампирные контуры мебели потонули в туманном сумраке; его мозг охватил припадок зеркального оцепенения и вскоре все поплыло в неподвижном движении.

Он видел в полузабытии, как встала и ушла Кет, но был бессилен подняться за нею.

Ему казалось, что весь его дом глубоко погружен на дно зеркальных пространств и там за стенами, где бушевала стеклянная буря, десятки его двойников совершенно одинаковых, как стая рыб в сонном пруду, кружатся в ожидании добычи.

Он ощущал, что только тонкая перепонка стен и занавесей отделяет его от всенпоглащающего стеклянного ужаса, а сами стены дома постепенно растворяются в зеркальном эфире, как растворяется сахар в стакане горячего чая.

Он смотрел на огонь догорающих углей, и синие уносящиеся в высь языки пламени выросли и заполняли все пространство, застилая собою всю комнату, куда бы не направлял он свой взор...

Среди их волшебного полета он увидел растворившуюся дверь и перед ним не то на яву, не то во сне, показалась почтительно склоненная фигура камердинера Григория.

С трудом Алексей убедил себя в том, что эти мелькающие очертания, колеблющаяся в сумраке фигура была реальностью. Но она тотчас же растворилась в пространстве, когда Алексей заметил в ее руках серебряный поднос, а на нем среди всего колеблющегося мира твердый не меняющийся квадрат голубого конверта. Он взял своими бесконечно удлинившимися пальцами твердый конверт, показавшийся ему стеклянным, и внезапно сквозь его пергамент вспыхнули и загорелись обратным зеркальным письмом написанные слова, начали расти, и казалось океан стеклянного эфира хлынул в комнату сквозь распавшиеся стены дома.

Алексей, терявший последнюю жизненную опору, вскрикнул, и кошмар, клубясь, рассеялся.

Перед ним стоял перепуганный Григорий и действительно держал на подносе большой голубой конверт.

Отослав Григория и вскрыв пакет, Алексей увидел лист своей собственной бумаги, исписанный его почерком, но только обратным зеркальным письмом, в котором дьявольское стеклянное существо глумилось над всем для него святым, называло его убийцей и предлагало в разрешении спора встретиться завтра в 6 часов утра у Симонова монастыря и в честном поединке решить, кому из них надлежало жить под солнцем.

Алексей не пытался заснуть всю эту ночь.

Григорий подходил к дверям его кабинета и в 2 и в 4 часа утра и видел его склоненным перед столом, в свете мерцающих канделябр, разбирающим свои бумаги.

Вся острая ясность сознания вернулась к нему. Отчетливо понимая решительный характер минуты, Алексей приводил в порядок свои дела, написал три завещательных письма и как только начало светать накинул синее пальто, вставил новую обойму в свой „Кольт“, потушил свечи, дым от которых

кругами стал опускаться книзу, и, окинув взором место где было так много продумано и так много задумано, нажал едва заметный выступ у одного из книжных шкафов. Шкаф бесшумно отодвинулся и обнаружил потайной ход под садом ведущий к Яузе.

Через полчаса Алексей стоял у подножия ив Лизина пруда. Полоса тумана застилала собою водную поверхность и поворот шоссе, и обнаженные уже осенью деревья чернели изгибами своих ветвей сквозь сизую утреннюю дымку. Восходящее солнце сверкало на каплях росы. Занимался день роскошного московского бабьего лета.

Целых двадцать минут Алексей нервно ходил взад и вперед по вязкому берегу. Стали показываться люди. Какой-то тряпичник порылся своим крюком в куче мусора и пытливо посмотрел на Алексея. Проехали громыхая возы с капустой и, громко разговаривая, прошли две бабы в пестрых платках и кофтах горошком, кутаясь от утренней свежести в шали и боязливо поглядывая на Алексея.

Время очевидно было упущено.

Алексей оглянулся кругом и вдруг ужасное подозрение наполнило его душу. Ясно понял, что непростительно глупо попал в элементарную ловушку. Бегом бросился к заставе.

А когда взмыленный лихач подвез его к Яузскому особняку, он увидел его окруженным взволнованной толпой и через мгновение грубые руки полицейских втокнули его в кабинет покинутый им два часа назад, где за своим столом он увидел, когда-то встречавшегося ему ранее, судебного следователя Иванцова.

ГЛАВА ПЯТАЯ

и последняя, содержащая конец нашей истории и не мало доказательств тому, что за Москва-рекою существует нечто выходящее за пределы допускаемого благонравными педантами.

Алексей сразу понял все, когда его обвинили в насильственном увозе его жены Кет и убийстве старика Григория, оказавшему этому увозу сопротивление.

Три дня пришлось Алексею доказывать недоказуемое. Три дня он, запертый в своем кабинете, подвергался унижительным врачебным экспертизам, нелестным перекрестным допросам и только показания лихача Хорхордина и найденного через газетные объявления тряпичника, установили его алиби, подтвержденное несомненными различиями

в костюме и единогласными утверждениями всех свидетелей, что убийца был левшей, что согласовалось с характером нанесенного смертельного удара.

Потом его оставили в покое в опустевшем яузском доме.

Алексей проплакал целые сутки в осиротевшей комнате Кет, лишенный сил даже обдумать происшедшее. Его смятенную душу потрясло все близкое Кет.

Он расплакался, найдя красный карандаш, касавшийся ее губ. Непонимающим тупым взором смотрел на ее серые туфли, брошенные посередине комнаты, с ужасом угадывал последние строчки, на которых остановился ее взор в роковую ночь в оставшейся недочитанной книге.

Только два дня спустя у него появилось некоторое сомнение в неизбежности ее гибели, столь очевидной в первые дни.

Алексей постепенно собрал свои мысли и память и начал более спокойно восстанавливать картину ее похищения.

Как это часто бывает, новое потрясение смыло собою старое и он избавился совершенно от припадков стеклянного оцепенения, постепенно вернув себе былую бодрость.

Осматривая в сотый раз комнату Кет, так и оставшуюся неубранной с рокового утра, он заметил однажды между краем тюфяка и доскою кровати несколько медных монет, зубочистку и сложенную вдвое картонную карточку, очевидно оброненные во время борьбы и просмотренные судебными властями.

Карточка представляла собою рекламный плакат хиромантки и гадалки на бобах и кофейной гуще Элеоноры де Раманьеско, проживающей гдс-то на канаве в переулках Пятницкой улицы. . .

Это было очень немного, но все-таки это был след. Прилив какой-то неожиданной бодрости потряс все алексеево существо, казалось сами витиевато напечатанные черные буквы рекламной карточки излучали из себя флюиды энергии.

Ему пришлось немало покружить по набережной Канавы, между Пятницкой и Кадашевскими переулками, пока нашел он то, что требовалось по сложному и по московски запутанному адресу.

Был разгар московского бабьего лета. Водовоз заехал на средину обмелевшей канавы и наливал черпаком воду в свою зеленую бочку.

Двое мальчишек плескались в мутной воде, а куча ребят толпились около мороженщика.

Реяли паутины и купы белых облаков стояли неподвижно в призрачном осеннем небе.

Во владении мещанина Перхушкина за деревянным, крашеным вохрой двухэтажным строением оказался чахлый сад запыленной акации и сирени, а за ними мрачный монументальный корпус, каменный, с маленькими окнами, возведенный задолго до Севастопольской кампании.

Алексей долго дергал за ручку дверного звонка и стучал, не решаясь войти в полуотворенную дверь, но, наконец, набрался смелости и перешагнул за деревянный, обитый когда-то войлоком, порог и поднялся по осевшей, покосившейся вправо лестнице во внутренние покои.

Какой-то странный запах лампадного масла, ладана и старых книг, который иногда бывает в архиерейских домах и епархиальных музеях, затуманил его сознание.

Он вошел в первую комнату, очевидно приемную гадалки, и невольно ироническая улыбка мелькнула на его устах, при виде наивной декорации долженствующей очевидно по представлению хозяйки поразить сознание ее клиентов.

Дико размалеванные по стенам пентакли и астральные треугольники, знаки зодиака и странная мебель в виде треножников, египтообразных курильниц и ампирных соф, в роде той, на которой возлежит госпожа де Рекамье на картине Давида, — в свете осеннего яркого дня казались театральным бутафорским хламом, купленным по случаю на Смоленском рынке.

Алексей кашлянул и прислушался. В подавляющей тишине он мог различить только, как в отдаленной комнате капля за каплей капала какая-то жидкость.

Очевидно хозяйка не ожидая посетителей ушла по соседству и должна была с минуты на минуту вернуться в оставленный дом. Алексей хотел было в ожидании присесть на одно из „магических“ сидищ, но, вспомнив свои в сущности сыщицкие наме-

рения, решительно двинулся вглубь внутренних комнат.

Следующая зала поразила его своим еще более выдержанным магическим убранством. Старинные реторты и перегонные кубы, какие-то астролябии и целые ворохи старинных книг в желто-серых переплетах свиной кожи, с черными латинскими литерами на корешках вселили в его душу странное смущение, тем больше, что все эти предметы носили не музейный характер, а имели очень держанный вид и были брошены так, как будто ими только сейчас пользовались.

Алексею вдруг показалось, что все они имеют здесь недекоративный, а свой подлинный, первоначальный серьезный смысл и у него закружилась голова.

Он взял в руки толстый том, на корешке которого стояло слово „Oculto“ и не успел отстегнуть застежку переплета, как книга раскрылась, вырвалась из его рук и закружилась волчком, стала вертеться по комнате, теряя страницы и разбрасывая встречающиеся предметы.

Алексей попятился к окну и отскочил от него потрясенный. Вместо перхушкинского огорода он увидел сквозь оконные стекла сотни ослабившихся рож слетевшихся зеркальных призраков.

Одним прыжком он бросился к двери и выскочил в нее. В ужасе увидел, что вместо гадалкиной приемной, из которой только что ушел, он очутился в огромной зале, в стены которой были вделаны огромные мутные зеркала, где плыли как поверхность реки мутные волны каких-то отражений, а в воздухе — то там, то тут — вспыхивали искры электрических разрядов и нестерпимо пахло озоном.

У Алексея все более и более кружилась голова, в глазах запрыгали огненные кольца, лоб покрылся холодным потом и он схватился за голову.

В ту же минуту он увидел перед собою в зеркале неистово прыгающее свое отражение, показывающее ему нос и с диким смехом угрожавшее кулаками.

С воплем ярости Алексей кинулся на него и со всего размаха ударился о твердую поверхность. Послышался звон разбившегося стекла. Алексей ринулся в какую-то темную бездну и увидел себя сколь-

зящим вверх ногами по поверхности гигантской черной агатовой воронки, на противоположной стороне которой в диком неистовстве скакал его двойник, а внизу суживающегося раструба сверкало залитое ртутью жерло колодца.

Пальцы скользили по агатовому спуску, не оставляя даже следов от впивающихся в полированный камень ногтей, и Алексей видел, как его двойник готовится нанести ему последний удар, когда он достигнет до устья ртутного колодца.

Нечеловеческим напряжением воли в последний момент у самого края бездны Алексей почти с колен прыгнул через ртутную поверхность прямо на спину склонившегося стеклянного человека. Не ожидавший нападения, он оступился и рухнул вниз всей тяжестью своего тела, увлекая с собой Алексея. В неистовой борьбе они слились в клубок и медленно скользили под сверкающую поверхность разжиженного металла.

В ту же минуту Алексей почувствовал, что его колени уперлись в дно. Нечеловеческим порывом он схватился за горло стеклянного человека и, припав к его телу головой, рванул в глубину ртутной

бездны. Поднял свою голову на верх и продолжал душить под покровом ртути слабеющего и барахтающегося противника.

Жидкий металл прыгал под его руками и он не видел ничего кроме сверкающей поверхности, так как сам он в ней не отражался.

Стекланный человек стих, но руки Алексея продолжали его душить, испытывая странное ощущение будто его жертва набухает, превращается в кисель и расплзается. Алексей вздрогнул, увидев, как на ртутных волнах запрыгали какие-то пятна. Мгновением позже он понял, что это куски его отражения, еще разорванные, еще не подчиненные. И в тот миг, когда его пальцы сомкнулись, потеряв остатки растворившегося в ртути стекланныго существа, он увидел вновь свое полное и подвластное ему отражение.

Силы оставили его и он с ужасом почувствовал, что ноги и руки подгибаются, и Алексей в изнеможении склоняется в адские объятия жидкого металла.

В следующее мгновение он ударился головой, обо что-то твердое и на миг лишился сознания. Придя в себя, понял, что лежит на зеркале, нашел

силы подняться и увидел себя посредине совершенно пустой залы перхушинского дома, лежащим на поверхности странного по форме зеркального вещества, как будто бы политого на пол и застывшего.

Насколько можно было разобрать при лунном свете, заливавшем все — окна дома были давно выбиты, космы паутины, обоев и пакли спускались со стен и полуобвалившегося потолка.

Алексей встал и убедился, что зеркальная поверхность покорно отражает его; прошелся по комнате и в двери, лишенные створок, увидел, что дом был пуст и очевидно многие годы необитаем.

Качаясь, спустился по полуобвалившейся лестнице.

В темноте перхушинского двора на него залаяла собака, в воротах покосилась баба, щелкая с каким-то солдатом орехи.

Он дотащился до первого извозчика и велел ему ехать к себе за Язу.

Чувствовал, что все лицо в крови, а тело ныло от синяков и кровоподтеков.

На Спасской башне пробило одиннадцать.

Возница тянулся медленно, и сумрак ночных московских улиц не то радовал, не то болезненно да-

вил Алексея. На Пятницкой его сознание обожгли сверкающие зеркала какой-то парикмахерской. Он остановил извозчика, выскочил из пролетки и с трепетом сердца подошел к витро. Зеркальный овал покорно отразил его бледное, изнеможенное, со следами стертой крови, лицо. Снова поехал.

И ему казалось, что длятся годы и проходят дни от удара одной подковы до удара другой.

Не желая будить домохозяев, остановил извозчика за садом, отворил ключем калитку и вошел потайным ходом.

Бесшумно отодвинулся шкаф с эльзевирами и вместе с потоками света на Алексея пахнуло теплом и уютom его кабинета.

Он вздрогнул и оцепенел: у камина освещенная розовыми отсветами догорающих дров в старом вольтеровском кресле сидела Кет. Услышав шорох, она подняла глаза.

London 1922.

А. В. Чайнов

Венецианское зеркало или диковинные
похождения стеклянного человека:
Репринтное издание.

Издательство «Прометей».

Издание осуществлено при участии
Второго творческо-производственного
объединения СА СССР

Заказ № 2419. Тираж 50000 экз. Цена 1 р. 30 коп.

Типография ВНИИТЭМР

2-

